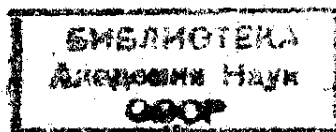

Библиотечка бойца

АКР
5889

Проф. С. П. ТОЛСТОВ

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗФАН

ТАШКЕНТ—1943

ЕВ_1943_AKS_940

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
I. Происхождение узбекского народа	5
II. Древнейшая культура Узбекистана	7
III. Культура Узбекистана в эллинистический период . .	19
IV. Культура Узбекистана накануне арабского завоевания	28
V. Некоторые итоги	35

Ответственный редактор *проф. К. В. Тревер*

Р. 10530. Подписано к печати 21/XII 1942. Тираж 3000. Уч.-авт. листов 2,11. Печ. листов 2,25. В одном печ. листе типографских знаков 38160. Цена 1 руб. 20 коп.

Ташкент, Тип. Изд-ва УзФАН, зак. № 470.

ОТ АВТОРА

Фашистский генерал Райхенау в своем одобренном самим Гитлером приказе объявил бандитской армии немецких варваров, что на Востоке нет культурных ценностей, которые надо было бы беречь, что все, что уничтожено и разграблено — и будет уничтожено и разграблено — гитлеровскими дикарями, не имеет никакого историко-культурного значения.

Эта гнусная директива фашистского солдафона, невежды и преступника, как мы знаем, усиленно осуществляется немецкими бандитами на практике. Ценнейшие памятники, бессмертные сокровища русской, украинской, белорусской, польской, чешской культуры разворовываются, оскверняются, уничтожаются.

Глупая и лживая „расовая теория“, украденная фашистскими молодчиками у идеологов феодальной реакции XIX в., признает, в качестве двигателя истории, только „белокурую длинноголовую арийскую северную расу“, а единственными подлинными представителями ее — немецких фашистов (невзирая на то, что главари кровавой фашистской системы своим обликом весьма мало напоминают „избранных“ белокурых северян). Все другие расы — с точки зрения Гитлера и его шайки — только навоз для удобрения почвы, это, якобы, даже не люди, а полулюди, стоящие ближе к обезьянам, чем к „высшей расе“. Так прямо и заявил Гитлер на одном из съездов фашистской партии.

Народы великого Советского Союза, провозгласившие устами Сталина и записавшие в Сталинской конституции равенство всех наций и рас и 25 лет на деле осуществляющие это равенство, являются свидетелями и участниками могучего подъема национальных культур нашей страны.

Но и в прошлом народы нашей Родины, независимо от расы и национальности, сыграли огромную роль в создании той великой современной цивилизации, которую они теперь, в боевом содружестве со всеми прогрессивными силами человечества, защищают от фашистского варварства.

Мы гордимся нашим прошлым, героическими боевыми, трудовыми, творческими подвигами предков. Мы никому не позволим оплевывать наше прошлое, как никому не позволим разрушать наше настоящее, посягать на наше будущее.

Культурному прошлому узбекского народа—народа, в состав которого входят и представители белой европейской расы (фашистские лжецы называют их низшими представителями этой белой расы), и представители желтой, монгольской расы (которых фашистские идеологи и за людей не считают), посвящена эта брошюра.

Мы пытаемся показать здесь, как развивалась высокая и богатая цивилизация древнего Узбекистана, как влияла она на развитие соседних и далеких народов, какие культурные ценности, созданные в древнем Узбекистане, вошли в сокровищницу мировой цивилизации тогда, когда грубые и дикие предки современных фашистов еще владели жалкое существование в мрачных лесах и болотах тогдашней Германии, постепенно перенимая у „низших рас“ зачатки культуры.

І. ПРОИСХОЖДЕНИЕ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Как и все нации земного шара, узбекский народ исторически сложился из различных племен и народностей, известных в древности и в средние века под различными названиями. Само имя узбеков появилось в истории сравнительно поздно — в XIV—XV вв. и первоначально обозначало совсем не то, что сейчас — не весь узбекский народ, а лишь один из его составных элементов, а именно — тех кочевников восточной части Золотой орды, которые в начале XVI в. под руководством Шейбани-хана завоевали территорию современного Узбекистана. Узбеки XV—XVI вв. явились, таким образом, последним по времени элементом из числа вошедших в состав современного узбекского народа, давшим имя всему народу в целом. Но изучение языка, культуры и истории узбекского народа, как и физического облика узбеков, показывает, что средневековые „узбеки“ были не только не единственным, но даже и не главным из элементов, участвовавших в формировании узбекской нации.

Навои, великий узбекский поэт, классик узбекской литературы, один из создателей литературного узбекского языка, не называл себя узбеком. Султан Бабур, выдающийся узбекский писатель, знаменитые воспоминания которого являются образцом прекрасного узбекского языка, не только не называл себя узбеком, но значительную часть жизни с оружием в руках боролся против „узбеков“ Шейбани-хана и его преемников.

Да это и не удивительно. История названия народа не всегда тождественна с историей народа. Так, французы, носящие имя завоевавшего Францию на заре средневековья союза франкских племен, на деле являются потомками древнего населения своей страны — галлов, воспринявших римскую культуру и романский язык. Имя украинцев появляется около XVI в. и первоначально было не именем народа, а лишь географо-политическим термином, в то время, как корни родословной южных славяно-рус-

ских племен, из которых сложился украинский народ, уходят в незапамятную древность. В жилах татар течет ничтожная доля крови средневековых „татар“ — монгольских завоевателей XIII в. Современные татары ТатАССР — потомки древних волжских болгар и степных кочевников — кыпчаков (половцев) с примесью многих других этнических элементов, но имя свое они получили от тех, кто покорил их предков в XIII в. Наоборот, родственники предков современных татар, болгары — тюркский народ, в VII—VIII вв. покоривший территорию современной Болгарии, дал имя той народности, которая сформировалась из различных славянских племен восточной части Балканского полуострова.

Среди народов, которые, слившись в единое целое, составили в результате многовековой истории узбекский народ, были представители самых различных расовых, языковых и культурных групп. Это были, во-первых древние согдийцы и хорезмийцы, говорившие на языках иранской группы, родственной современному персидскому языку, а еще ближе осетинскому на Кавказе и ягнобскому — в Таджикистане. Это были, затем, древние среднеазиатские кочевые племена — массагеты и скифы (саки), говорившие на различных языках, частью родственных иранским, частью ближе всего стоявших к современным кавказским языкам (черкесскому, грузинскому и др.). Это были, далее, различные кочевые племена тюркского происхождения, между VI и XII вв. из Казахских степей и Семиречья проникшие на территорию Узбекистана и смешавшиеся с коренным населением скифо-иранского происхождения. Как раз в это время формировался узбекский язык, в основу которого легли различные языки этих тюркских племен с значительной примесью древних скифо-иранских элементов, особенно богато представленных в звуковом составе и словаре языка узбеков.

В XIII в. в состав будущих узбеков вливается струя новых тюркских племен, пришедших с севера и востока вместе с монгольскими завоевателями. Небольшое количество последних (видимо, исчислявшееся лишь несколькими тысячами человек) осело в Узбекистане, быстро приняло тюркский язык и растворилось в местном населении.

И, наконец, золотоордынские узбеки, потомки половцев (кыпчаков) с небольшой примесью монгольской крови, вторгшись в начале XVI в. в Узбекистан, дали ему свое

имя и влился в местное население, восприняв его культуру.

Эти разнородные составные элементы узбекского народа слились не сразу в единое целое. Веками они существовали бок о бок, сохраняя известную культурную и даже языковую обособленность. Так, еще в XIV в. в некоторых местностях Хорезма сохранялся древний иранский хорезмийский язык. Еще в XVIII—XIX вв. различались, как отдельные группы населения, собственно узбеки — потомки завоевателей XVI в., чагатайские турки — результат слияния скифо-массагетских и тюркских кочевников древнего и ранне-средневекового Узбекистана и, наконец, „сарты“ — результат слияния тюрков и оседлого, согдийского и хорезмийского населения оазисов и городов. Но чем дальше, тем больше эти различия становились лишь пережитком в сознании населения. Реальные языковые и культурные различия стирались и исчезали. Особенно быстро этот процесс протекал в XIX в., в связи с внедрением в Узбекистане капиталистических отношений, образованием единого внутреннего рынка. И, наконец, Великая Октябрьская социалистическая революция создала предпосылки для окончательного завершения национальной консолидации узбекского народа.

Таким образом, культурное наследие, которым располагает узбекский народ, велико и многообразно. В современной узбекской культуре объединились и переплелись культурные традиции и древнего местного населения, целиком (как хорезмийцы) или частично (как согдийцы, скифы-саки и массагеты) влившегося в состав будущих узбеков, и разнообразных позднейших колонистов, и, наконец, соседних народов Ирана, Индии, Китая, Сибири, Восточной Европы, Кавказа, находившихся в тесных экономических, политических и культурных взаимоотношениях с народами Узбекистана.

II. ДРЕВНЕЙШАЯ КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА

Чтобы создать ту высокую и своеобразную культуру, о которой идет речь ниже, отдаленные предки узбеков должны были преодолеть тяжелый путь, совершить грандиозные трудовые подвиги. Природа Узбекистана изобилует потенциальными богатствами, но, чтобы поставить их себе на службу, людям надо было выдержать гигантскую битву с природой, изменить ее лицо, обуздать бурные

реки, оросить пустыни и осушить болота, научиться методами кочевого скотоводства широко использовать скудные ресурсы пустынной растительности.

Величайшей победой человека над природой в рамках древней истории Востока является создание грандиозных оросительных систем, ожививших бесплодные земли и создавших предпосылки для пышного расцвета древневосточной цивилизации. Археологические работы последних лет в Хорезме и на Нижнем Зеравшане неопровержимо установили, что оросительная система Узбекистана была создана еще в первой половине первого тысячелетия до н. э., т. е. более чем две с половиной тысячи лет тому назад. Больше того, — изучение древней оросительной сети показывает, что она была значительно шире средневековой, что тогда именно были орошены обширные земли, которые затем стали достоянием пустыни, засыпанной песками некогда цветущие города, селения, поля и сады. В одной только Кара-Калпакии площадь бывших в древности под орошением и впоследствии запустевших земель почвовед Давидовский исчисляет почти в 200 000 га. О размерах древних ирригационных сооружений, созданных жителями Хорезма на заре их истории, можно судить хотя бы по каналу Чермен-Яб, общая длина которого (без учета мелких извилин трассы) 2500 лет тому назад превышала 200 км, больше чем вдвое превосходя длину ныне соответствующего этому каналу арыка Газават. Можно назвать также крупнейший из древних хорезмийских каналов правого берега — Гавхорэ (соответствует нынешнему Таза-Баг-Ябу, значительно превосходя его по размерам), длиной более 70 км, орошавший своими ответвлениями огромную площадь, более чем вдвое превышавшую современные орошенные земли этого района.

Чтобы создать эти огромные оросительные системы, нужен был организованный труд многочисленных сельских общин, руководимых сильной централизованной государственной властью. И мы знаем, что в первой половине первого тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии существовало несколько могущественных царств, из которых наиболее мощными было Хорезмийское (иначе называемое Кангха, т. е. „область дельты реки“, слово же Хорезм, древнее Хвайризем, означает „Низменная страна“), господствовавшее над значительной частью Узбекистана и Юго-западного Казахстана, а также Бактрийское царство, объединявшее под своей властью северный Афганистан, большую

часть Таджикистана и Южный Узбекистан (Сурхандарьинская область). Более мелкие государства долины Зеравшана, видимо, тяготели частью к Хорезму, частью к Бактрии. Именно в пределах Кангхско-Хорезмийского царства жили те племена, которые в дальнейшем, смешавшись между собой и с пришедшими с Востока — из Семиречья и Восточного Туркестана — кочевниками, дали начало будущему узбекскому народу.

Мы мало знаем о древнейшем периоде истории этих государств. Серьезное археологическое изучение Узбекистана развернулось только после Великой Октябрьской революции, а письменные источники, древнеперсидские надписи, исторические и географические труды древнегреческих авторов — Гекатея Милетского (VI в. до н. э.), Геродота, Ктесия Книдского (V в. до н. э.) — дают не так уж много сведений. Ценным источником для характеристики общественного быта и идеологии древнего населения Узбекистана является священная книга зороастрийской религии — Авеста, древнейшие части которой, как установили работы зарубежных и советских авторов, были написаны в Средней Азии, по мнению большинства исследователей — в Хорезме, в первой половине первого тысячелетия до н. э.

В Авесте собраны ценнейшие отрывки народных эпических сказаний о богах и героях, ареной деятельности которых являются страны Средней Азии и смежные области Ирана и Афганистана. Гимны Авесты воспевают страну, где „предводительствуют многочисленными войсками могущественные вожди, где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все, необходимое для скотоводства, где глубоки и многоводны озера, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные волны к Иската¹ и Поурута, к Моуру², Харэва³, Гау⁴, Сугда⁵ и Хвайризем⁶ (гимн в честь бога солнца Митры, Яшт X, 14)“. Этот перечень, вместе с целым рядом других признаков, не оставляет сомнения, что именно здесь, в бассейне Аму-Дарьи, сложилась древняя религия Зороастра (Заратуштры).

¹ Вероятно, горы Аскатанка древних авторов, расположенные где-то на северо-восток от Узбекистана.

² Мерв.

³ Герат.

⁴ Область в бассейне нижнего Зеравшана.

⁵ Согдиана или Согд — долина Зеравшана.

⁶ Хорезм.

В. В. Бартольд, крупнейший советский историк Средней Азии, доказал, что эпос, опубликованный в X в. Фердоуси, великим поэтом Ирана, имеет очень древние исторические корни и первоначально сложился на территории Средней Азии. Это позволяет нам привлечь и „Шах-намэ“ Фердоуси, критически его исследовав, в качестве источника для воссоздания древнейшей истории Средней Азии.

На основании этих источников и археологических памятников древнего Узбекистана, исследованных советскими археологами, мы можем набросать общую картину жизни этой отдаленной эпохи.

Хотя тогда нигде были уже классы и государство— в общественном строе большую силу сохраняла еще первобытная родовая община. И ирригация, и кочевое скотоводство требовали сплоченных трудовых действий человеческих коллективов и препятствовали разложению родовых общин. А сохранение общин способствовало переживанию таких особенностей родового строя, как традиции первобытной демократии, ограничивавшей деспотические притязания царей, как высокое положение женщины, игравшей в жизни древней Средней Азии огромную роль, и т. д.

Эти первобытно-демократические традиции живут на всем протяжении истории древней Средней Азии. Даже феодализм, к XI в. н. э. восторжествовавший над общинно-рабовладельческим строем, не мог окончательно сломить их. И в этих традициях мы видим ключ к пониманию той сплоченности народов Средней Азии перед лицом иноземных завоевателей и того героизма, самоотверженности, организованности, с которыми они отражали агрессию персов и греков, китайцев и арабов.

Древнее общество Узбекистана знает уже деление на классы, оформленное в виде каст: выделяются жрецы огня—„атраваны“, воины—„ратхаеста“ (буквально—„ездящие на колесницах“), земледельцы и, наконец, рабы. Но вместе с тем жива и родовая и племенная организация. Основа общества—род („вис“). Роды объединяются во фратрии („занту“), фратрии—в племена („данху“). Союзы племен, населяющих определенную область, подчинены власти областных царей—„кави“, одновременно являющихся верховными жрецами и главами религиозных объединений. Власть царей ограничена советом племенных вождей.

Общинные традиции этого строя ярче всего выступают при изучении развалин поселений той эпохи. Это—огром-

ные укрепленные селения, достигающие нескольких километров в окружности и венчающие обычно вершины холмов, господствующих над древними арыками. Внутренность каждого поселения— огромный загон для скота. Внешние стены являются одновременно и жилищем: люди живут в узких и длинных коридорообразных сводчатых помещениях, тянувшихся в два, иногда в три ряда в толще могучих, сложенных из сырцового кирпича стен, толщиной в 15 и более метров. Крыша защищена извне парпетом с частыми и узкими бойницами для стрельбы из лука.

Этот суровый тип жилища говорит о воинственности жителей, об их свободолюбии, готовности с оружием в руках защищать свою свободу, жизнь и имущество от многочисленных врагов, что и подтверждается историей войн персидских царей и Александра Македонского в Средней Азии.

Наиболее ярким показателем культуры, зеркалом мироощущения каждого народа, является его искусство. Искусство древнейшего населения Узбекистана в этом отношении весьма выразительно.

Изобразительное искусство описываемой эпохи известно нам, с одной стороны, по отдельным находкам советских исследователей в разных частях Узбекистана, особенно в Хорезме, с другой—по великолепному комплексу ювелирных изделий, входивших в состав найденного в 1877 г. на берегу верхней Аму-Дарьи, у переправы Тахти-Куват на север от Кундуза, так называемого „Амударьинского клада“, ныне находящегося в Британском музее. Клад содержал до 1300 монет, относящихся ко времени от IV в. до начала II в. до н. э., и множество великолепных ювелирных изделий из золота и серебра, среди которых, наряду с перстнями, браслетами, ожерельями, имеются и золотые пластинки с рельефным изображением людей и животных, массивные золотые и серебряные статуэтки, сосуды из драгоценных металлов, умбон (металлическая центральная часть щита) с изображением сцены охоты и т. д. Этот комплекс дает разностороннее представление об изобразительном искусстве среднеазиатских народов середины первого тысячелетия до н. э., ибо большинство предметов относится к указанному времени.

Устная литература скифских кочевников и оседлых народов Средней Азии в эту эпоху уже достигла высокого развития, поскольку о ней можно судить по дошедшим до нас отрывкам. Яркие сказания древних среднеазиатских народов

и по содержанию и по форме мало чем уступают, а может быть и совсем не уступают величайшим памятникам древней эпической литературы—героическому эпосу греков, „Илиаде“ и „Одиссее“. В них звучит горячая любовь к родине и свободе, готовность отдать жизнь на защиту родной земли и родных племен. Они просто и убедительно рисуют нам высокие человеческие чувства героев, чувство чести, верности друзьям и соратникам. Герои эпоса умеют и горячо и страстно любить, и отказываться от любви во имя долга, и столь же страстно ненавидеть угнетателей, изменников и трусов. Женщины эпоса занимают равное с мужчинами положение, не уступая им ни в чем—и не только в делах мира, но и в делах войны. Это—весьма характерная черта среднеазиатского эпоса, возвышающая его над эпосом многих других народов. Пожалуй, именно смелые женщины, вожди и воительницы—Зарина, Спаретра, Томирис—являются наиболее монументальными фигурами древних среднеазиатских эпических сказаний. Немного найдется в древней литературе повестей о патриотизме, доблести, готовности к высочайшему самопожертвованию во имя родины и родного народа, подобных сказанию о скифе Шираке (или Сираке) и царе Дарии, в основе которого, вероятно, лежит действительно имевшее место событие. Греческий историк Полиэн в своей книге о военных хитростях рассказывает, как в наступившие для сакских кочевников тяжелые дни, в дни вторжения в степи Узбекистана армии царя Дария, когда вожди саков собрались на военный совет, пришел к ним простой табунщик, конский пастух Ширак и предложил план уничтожения персов, выполнение которого Ширак должен был оплатить своей жизнью. Единственной просьбой Ширака к вождям саков было позаботиться после его гибели о его детях. Получив согласие на это, Ширак обрезал себе ножом нос и уши, покрыл тело ранами и, явившись к Дарию, сказал, что он перебежчик, жертва гнева и жестокости сакских вождей, что из мести он готов помочь персам окружить войско саков, проведя армию Дария лишь ему известными тропами к лагерю скифов. Дарий поверил страшным увечьям Ширака и клятве величайшими святынями скифов—огнем и водой. Ширак стал проводником его войска, и через семь дней, истребив все запасы пищи и воды, войско Дария оказалось в бесплодной пустыне на краю гибели, не в силах ни двинуться вперед, ни уйти назад. Царь велел схватить проводника;

„Победа!—вскричал Ширак со смехом.—Я задумал отвести беду от соотечественников моих, саков, и вот мне удалось известить вас, персов, жаждою и голодом“. Герой пал, но выполнил свое дело. Лишь дождь спас царя и остатки персидской армии, дотащившихся с трудом, изнемогая от голода, до берегов Аму-Дарьи.

Таково героическое сказание о самопожертвовании Ширака. Этот сюжет, встречающийся и в фольклоре других народов, оказывается особенно стойким в фольклорной традиции Средней Азии. Еще арабский историк Табари, повествуя о событиях V в. н. э., о борьбе народов Средней Азии против персидского царя сассанидской династии, Пероза, приводит сходную легенду.

Не менее ярок рассказ, передаваемый Геродотом, о предшественнике Дария—великом завоевателе Кире и правительнице скифского народа массагетов—Томирис. Как и в рассказе о подвиге Ширака, в основе рассказа Геродота лежит действительный факт, дошедший, однако, до великого греческого историка в эпически оформленном виде. Женщина-вождь массагетских племен Томирис перед боем с Киром обещает—так говорится в рассказе—насытить жажду крови завоевателя, как бы велика она ни была, и выполняет обещание, бросив после победоносного боя отрубленную голову „царя царей“ в наполненный кровью кожаный мешок.

Наряду со сказаниями о героических подвигах и борьбе за родину, устная литература древней Средней Азии знает и эпический роман. Такова передаваемая Ктесием повесть о любви сакской правительницы Зарины и мидийского воина Стриангея. Зарина предстает как монументальный образ женщины-воительницы, защитницы независимости своего народа от мидийских царей, строительницы городов, под руководством которой расцветает хозяйство страны саков. Но Зарина—не только мудрый и сильный вождь в дни войны и мира, ее образ, вместе с тем,—образ прекрасной, горячо любящей и страдающей женщины. Зарина полюбила Стриангея, молодого мидийского воина, пощадившего ее жизнь в бою, когда она, будучи ранена, не могла сопротивляться, и, в свою очередь, ею спасенного, когда он попал к ней в плен. Их трагическая любовь, героическая стойкость Зарины, когда в ее душе стремление к любимому борется с велением долга, составляют дальнейшее содержание романа, окончание которого, к сожалению, утрачено.

К среднеазиатскому эпосу восходят, как эпопея о великом герое Рустеме—рассказы о его битвах с людьми и демонами, о его любви к прекрасной царевне Тахминэ, о рождении ею сына Рустема Сохраба, неузнанного при встрече с отцом и погибающего от его руки в бою, так и Хорезмийско-Кангхский эпос о Сиявуше. Сиявуш—первоначально, видимо, бог-покровитель племен нижней Аму-Дарьи, мифический родоначальник хорезмийских царей, превратившийся в народном представлении в прекрасного юношу-героя, смелого всадника в золотом шлеме, скачущего на черном коне, в деле битв—ученик Рустема; от преследования злой и развратной мачехи он уходит на чужбину и здесь после ряда подвигов, падает жертвой предательства. Сиявуш—прекрасный образ героя трагического романа-эпопеи.

Вообще на примере Сиявуша можно проследить путь развития литературного стиля древней Средней Азии. Мы видим здесь, как и во многих других эпических сказаниях, древний мифологический сюжет о страдающем и воскресающем божестве плодородия земли. Но реалистическая творческая стихия искусства народов Средней Азии середины первого тысячелетия до н. э. по своему преломила этот мифологический сюжет. Божество очеловечилось, стало героем человеческой эпопеи, наделенным всеми свойствами конкретного, борющегося, совершающего героические подвиги, любящего и страдающего человека,—путь, как мы знаем, тот же, что и путь, пройденный героями Илиады и иных эпических произведений Греции. Так Ахилл, Елена, Ифигения, Ипполит (кстати, сюжет о нем очень близок к сюжету о Сиявуше) и многие другие из абстрактных божеств превратились в образы живых людей, наделенных могучими человеческими страстями и качествами—мужеством, красотой, готовностью к самопожертвованию, верностью долгу.

Эпос раннеисторической Средней Азии оказал огромное влияние на развитие литератур окружающих народов. Через скифов и сарматов восточно-европейской равнины он вошел в сокровищницу русского фольклора. Образ богатыря Рустема, сына Заля, повлиял на создание наиболее фундаментального образа русского былинного эпоса—Ильи Муромца, рассказ о бое которого с Сокольников, неузнанным сыном своим, непосредственно навеян соответствующим эпизодом сказания о Рустеме и Сохрабе. А в имени героя русской богатырской сказки, Еруслана Ла-

заревича, Рустем сохранил в несколько измененном виде даже свое имя и имя своего отца. Мощным пластом отложился среднеазиатский героический эпос в эпических сказаниях родственного Ирана, в первую очередь в гениальном творении Фердоуси. Эпос тюркских народов также сохранил многочисленные элементы эпоса древних среднеазиатских кочевников-скифов. Таков, например, замечательный рассказ Геродота, заимствованный из скифских героических сказаний, рассказ о том, как возвратившиеся из многолетних военных странствований скифы нашли своих жен вступившими в связь с оставшимися дома рабами и должны были оружием и хитростью добиваться восстановления своих прав. Данный сюжет, в несколько измененном виде, носящий уже черты романа, живет в эпосе об Алпамыше, о Бамси-Бейреке, о Баян-Слу и Козу-Керпече.

Характерно, что это скифское сказание, видимо, в глубокой древности проникло и на почву Греции, где отложилось в известном сюжете о возвращении Одиссея и его кровавой расправе с „женихами“ его жены Пенелопы.

Та же реалистическая тенденция, та же динамичность, напряженность и страстность, которая звучит в произведениях древней среднеазиатской устной словесности, ярко выступают и в творениях изобразительного искусства — в скульптуре и ювелирных изделиях из состава амударьинскогоклада.

Как в литературе первобытные мифы о духах и божествах и генеалогические предания племен и родов облекаются в человеческую плоть и кровь, превращаются в насыщенные действиями романические повествования, так и религиозно-магические изображения божеств и священных животных, связанных с культом плодородия, сначала условно-схематические и статичные, заменяются затем динамичными, насыщенными движением композициями, в которых люди и звери выступают во всей своей реалистической конкретности, подхваченной наблюдательным глазом художника-скифа.

В руках художника — многообразные выразительные средства для передачи различных настроений. Торжественно-статичная фигура скифа (на золотой пластинке), держащего священный пучок ветвей, подчеркивает религиозную тематику изображения и резко контрастирует с вереницей мчащихся за горными козлами и оленями всадников с умбоа скифского щита, движение которых схва-

чено с поразительным реализмом. Чередование всадников, двух оленей, двух козлов и замершего в ужасе под конскими копытами зайца дано в своеобразно перемежающемся ритме, особенно подчеркнутым тем, что третий всадник, у ног которого замер заяц, скачет навстречу двум первым, разбивая ритмический ряд и придавая ритму беспокойный, бурный характер, создавая впечатление вихря мчащихся людей и животных. Крылатый бык на золотой пластинке — сюжет, безусловно заимствованный из ассирийской и ахеменидско-персидской иконографии. Но вместо неподвижной торжественности ассирийских керубов (крылатых быков), рожденной торжественным и медлительным церемониалом царских дворцов, среднеазиатский керуб дан в столь типичной для среднеазиатского скифского искусства напряженно-динамической позе: передние ноги его с силой упираются в землю, корпус отодвинут назад, голова наклонена, морда прижата к груди — животное увидело врага и готово к сокрушительному броску вперед. Серебряный горный козел (ручка сосуда) дан в самый момент прыжка. Движение передано с исключительной наблюдательностью. Поджатые передние ноги и выпрямленные задние, прижатая к груди морда, направленные вперед рога — все свидетельствует об острой наблюдательности художника, сумевшего с огромной выразительностью запечатлеть позу прыгающего животного, давшуюся лишь мгновение.

В этом и других изображениях обращают на себя внимание тщательная моделировка тела животных и особо подчеркнутая, как в ассирийском искусстве, напряженная мускулатура. Эти черты, вообще свойственные скифскому искусству, на вещах из амударьинского клада выражены своеобразным приемом, специфичным для среднеазиатской пластики.

Когда смотришь на животных, изображенных на предметах из амударьинского клада, невольно вспоминаются слова гимна Митре (Авеста), где семантика и музыка слов создают то же впечатление могучего вихря движения:

„Мы поклоняемся Митре, впереди которого мчится Веретрагна, созданный Маздой, в виде кабана, прекрасно сложенного, остроzubого, остроклыкого, убивающего одним ударом, кабана огромного и сильного, буйного, готового к нападению, быстробегущего, с железными ногами, с железным хвостом, с железными челюстями, который на бегу поражает врагов, с сердцем, исполненным мужественной смелости, который уничтожает их полностью,

оставляя позади себя на земле кости, волосы, головы и кровь мертвых врагов Митры...”

Да и мчащиеся один за другим в безудержном бешеном вихре всадники амударьинского умбона—разве не перекликаются они с картиной боя, даваемой в том же гимне Митре:

„Мы поклоняемся Митре, готовящему войска к бою, собирающему воинов, вождю могучему, всесильному, который строит войска к бою, который идет в бой во главе войска, сокрушая ряды врагов... Мы поклоняемся Митре, который выезжает на своей небесной колеснице с высокими колесами, на своей колеснице, влекомой четырьмя чистощерстными белыми конями, питающимися небесной пищей, бессмертными. Их копыта покрыты золотом, подкованы серебром.

Митра мечет с колесницы из искусно сделанного костьяного лука, с тетивой из бычьих шип, тысячи стрел. С быстротой мысли улетают они, с быстротой мысли обрушиваются на головы дэвов. Мечет Митра с колесницы стрелы с орлиными перьями, с золотыми наконечниками, с древком из рога и железа, прекрасно сделанными. С быстротой мысли улетают они, с быстротой мысли обрушиваются на головы дэвов...

Митра поднимает сверкающую палицу, удобную для метания, со ста наконечниками, со ста шипами, падающую быстро, дробящую людей, палицу из сверкающего железа, покрытую массивным золотом, самое мощное оружие, оружие всепобеждающее. С быстротой мысли улетает она, с быстротой мысли обрушивается на головы дэвов...”

А образ величественных правителей саков и массагетов, воплощенных в глиняных женских статуэтках, найденных на территории Согда и Хорезма, облаченных в тяжелые складки торжественно-пышной одежды, украшенных роскошными ожерельями—разве не встает он перед нами в прекрасных строках гимна Ардвисуре Анахите (богине вод, плодородия почвы, людей и животных), выступающей здесь, как и во всем мире реалистических образов древнейшего искусства Средней Азии, в предельно материальном, телесном, человеческом образе молодой, могучей телом и дуком, прекрасной женщины:

„Мы поклоняемся Ардвисуре Анахите, стоящей на своем престоле в виде молодой девушки, прекрасной, сильной, величественной, высоко подпоясанной, стройной, с прекрасным и благородным лицом, украшенной прекрас-

ным плащом, покрытым золотыми украшениями. Она держит в руках священные ветви, согласно закона; в ушах ее—серьги золотые, четырехгранные; в ее великолепном ожерелье сверкают изумруды; прекрасно сложенная, она, Ардвисура Анахита, высоко подпоясывает себя, чтобы придать своей груди красивую форму. На голове она носит повязку блестящую, золотую, со ста звездами, восьмиридную, красивую, украшенную подвесками, блестящую, сделанную искусно. Она носит—Ардвисура Анахита—бобровый плащ из трехсот лучших бобров, прекраснейших и наилучше окрашенных из всех бобров, живущих в воде“.

И литература и изобразительное искусство древнейших народов Средней Азии наделены теми же характерными чертами, что и искусство европейских скифов, близких родственников саков, согдийцев и хорезмийцев. Они несут на себе все специфические особенности единого художественного стиля „Великой Скифии“, простиравшейся от Днепра до степей Монголии и от суровой тайги севера до среднеазиатских гор. Это глубоко реалистическое, напряженное, страстное искусство, искусство укротителей коней, смелых воинов, победителей врагов, хищных зверей и могучих враждебных сил природы,—суровое искусство, в котором местная реалистическая основа обогащена критическим восприятием художественных достижений эллинистических и древне-восточных (ассирийских) мастеров.

Мы можем назвать этот стиль стилем „героического реализма“.

Итак, период, предшествовавший завоеванию Средней Азии сначала персидскими царями ахеменидской династии, а затем греко-македонцами Александра Великого, изобилует огромными культурными достижениями.

За этот период была создана гигантская оросительная сеть древнего Узбекистана. На берегах каналов поднимали к небу свои могучие глиняные стены и башни огромные города и укрепленные поселения сельских общин, вокруг которых простирались обширные сады и поля, орошаемые организованным трудом бесчисленных общин, руководимых мощной государственной властью. Пшеница, ячмень, просо, виноград, абрикосы, персики и другие злаки и плодовые растения были уже завоеваны древними обитателями Узбекистана в этот период. Многочисленные стада коней, крупного рогатого скота, овец, свиней, верблюдов паслись на пастбищах Согда и Хорезма.

Высоки были и достижения духовной культуры. Был

создан величественный скифский и согдийско-хорезмийский эпос, певцы и рассказчики передавали народу прекрасные сказания о битвах и любви богов и героев, о героических подвигах в битвах за родину и о глубоких человеческих чувствах далеких предков современных узбеков. Скульптура, графика и ювелирное дело, отраженные в великолепных изделиях амударьинского клада, свидетельствуют о высоком и своеобразном реалистическом искусстве древнейшего населения Средней Азии.

Наконец, здесь, в Хорезме, Согде и Бактрии, сложилась религия Заратуштры — маздеизм, впоследствии ставшая официальной религией персидской империи Ахеменидов, парфянского и сасанидского государств.

III. КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Следующий период связан с проникновением в Узбекистан влияний средиземноморской, особенно греческой цивилизации. Уже вхождение части Средней Азии в состав Персидского царства Ахеменидов, простиравшегося от Греции и Египта на западе до Инда на востоке, познакомило народы Средней Азии с культурой далекого Запада. Согдийцы, хорезмийцы и среднеазиатские скифы участвовали в походах Дария и Ксеркса в Грецию. Хорезмийские и бактрийские солдаты и военачальники служили в персидских гарнизонах в далекой Элефантине в Верхнем Египте и в городах Малой Азии.

С другой стороны, и греки и эллинизированные малоазийцы переселялись на территорию Средней Азии. Таково было происхождение городка в Согдиане, заселенного потомками малдазийского жреческого рода Бранхидов, разрушенного Александром в знак мести его за ту помощь, которую предки горожан оказали некогда персидским царям.

Важнейшим результатом этих связей явилось распространение в Средней Азии — в Согде и Хорезме — алфавитной письменности арамейского происхождения. Арамейский язык (язык семитического населения Сирии) и арамейская письменность применялись на практике ахеменидскими канцеляриями. Видоизмененная ассирийская клинопись употреблялась лишь в торжественных царских надписях. Народы Средней Азии быстро восприняли арамейский алфавит, приспособили его к звукам своих языков и на его основе создали несколько местных алфа-

витов, из которых нам известны согдийский и хорезмийский. На найденных в Узбекистане древних монетах есть надписи и на других алфавитах арамейского происхождения, но точное место их чеканки пока неизвестно.

К этому же времени относится появление в искусстве Средней Азии переднеазиатских и греческих мотивов. Таковы изображения крылатого быка на золотой пластинке из амударьинского клада, изображение быка с человеческой головой (ассирийский керуб) на стенке сосуда, найденного Г. В. Григорьевым при раскопках Тали-Барзу близ Самарканда, изображение гиппокампа („морского коня“) и некоторые орнаментальные мотивы греческого происхождения на вещах из амударьинского клада и того же гиппокампа на одной из древнейших печатей из Хорезма.

Гораздо большее влияние на развитие культуры Узбекистана оказали события 330—327 гг. до н. э. (греко-македонское завоевание) и последующее вхождение Средней Азии в состав сперва селевкидского, а затем греко-бактрийского эллинистических государств.

Средняя Азия оказала завоевателям героическое сопротивление. Целых три года потребовалось величайшему полководцу древности — Александру, чтобы сломить оборону маленькой Согдианы, возглавленную народным вождем Спитаменом. Но и после этого наследники Александра чувствовали себя в Средней Азии как на вулкане. Хорезм-Кангха и его владения на Сыр-Дарье остались непокоренными, а среднеазиатские скифы, впервые за военную биографию Александра, заставили его повернуть свои полки обратно.

Около 250 г. до н. э. пала власть Селевкидов в западной части Средней Азии, где образовалось мощное парфянское царство, скоро подчинившее своей власти Иран и Месопотамию (нынешний Ирак). Около 170 г. до н. э. пала власть греков в Согдиане, подчинившейся царям Кангхи-Хорезма. Между 140 и 130 гг. пал последний оплот греческой власти в Средней Азии — Бактры. Греки были отброшены за Гиндукуш, где еще около века сохраняли призрачную власть все более ассимилировавшиеся с индусами греческие князья.

Но если политическое господство греков потерпело в Средней Азии крах, в результате упорной, героической борьбы за независимость жителей оазисов и кочевий, то совсем иначе отнеслось трудолюбивое и талантливое население Средней Азии к греческой материальной и духов-

ной культуре. Парфянские цари, изгнав греческих наместников из Туркмении и Ирана, именовали себя на своих монетах „филэллинами“ — друзьями греков. При их дворе греческие и местные актеры исполняли греческие трагедии.

Между 170 г. н. э. и рубежом нашей эры вся территория Узбекистана, кроме Ферганы и Сурхандарьинской области, входит в состав вновь воссозданного в древних границах государства Кангха (Хорезм), китайскими авторами называемого Кангюй. Фергана образует самостоятельное, союзное с Кангхой государство, которое в конце II в. до н. э. безуспешно пытаются покорить китайцы. Южная часть Узбекистана, к югу от Гиссарского хребта, входит в состав Бактрии, теперь получающей название Тохаристана, по имени наиболее значительного из массагетских племен, изгнавших из Бактрии греков. На западе эти страны граничат с могучим парфянским царством, на востоке — с китайскими владениями в Восточном Туркестане, на юге — с индийскими царствами, часть которых остается еще в руках потомков греческих династий, на севере — с бесконечной скифской степью, в пространства которой с востока, из Монголии, начинают внедряться гунские племена, культурно родственные скифам, но отличающиеся от них по физическому облику (гуны принадлежали к монгольской или желтой расе) и языку. Движение гуннов на запад было результатом успешного продвижения китайской империи в том же направлении. Не пожелавшие подчиниться Китаю племена откочевали в степи Восточного Казахстана, где постепенно ассимилировались с местным скифским кочевым населением.

Около начала н. э. один из массагетских правителей Бактрии (Тохаристана), принадлежавший к роду кушанов, Кудзула Кадфиз, подчинил себе остальных князей бактрийских массагетов. Созданное им сильное бактрийско-кушанское царство, с центром где-то в Южном Узбекистане, быстро встало на путь экспансии на север, на юг и на восток. К концу I в. н. э. под властью самого выдающегося из кушанских царей — Канишки находилась огромная империя, простиравшаяся от Аральского моря до Бенареса на Ганге и от Южных Кара-Кумов до пустыни Такла-Макан. Кангха, Северная Индия, города Восточного Туркестана вошли в состав империи Канишки. Как идеологическое оружие для объединения разнообразного населения гигантской империи Канишка избрал буддийскую религию. Прогрессивным в этой религии было то, что она

не признавала кастовых и племенных делений, считая всех людей, независимо от происхождения, равными перед божеством. Чтобы сделать буддизм доступным для всех народов разноплеменной империи, Канишка, вернее — окружающие его богословы, шли на широкое признание местных древних верований, включая их божества в состав буддийского комплекса богов. Среди богов, изображенных на монетах кушанов, мы встречаем и Будду, и зороастрийского Ахура — Мазда, и индийского Шиву, и греческих Селену (богиня луны) и Гелиоса (бог солнца) и т. д.

IV буддийский церковный собор, созванный Канишкой около 100 г. н. э., положил основание северобуддийскому вероучению, распространившемуся впоследствии из Кушанского царства в Китай, Тибет, Монголию, Японию. Таким образом, господствующая и поныне на всем Дальнем Востоке религия была созданием придворных богословов среднеазиатских завоевателей Северной Индии.

Китайские хроники рассказывают о том, что в 147 г. из Кушанского царства было доставлено в Китай важнейшее буддийское произведение — Амиитаба-Сутра и что при дворе императора Хуанди (147—167 г. н. э.) под влиянием кушанских миссионеров буддизм впервые получил широкое распространение.

Но не только буддизм заимствовали китайцы из Узбекистана. Когда в конце II в. до н. э. знаменитый китайский путешественник Чжан-цзянь открыл для Китая „Западный край“, т. е. Среднюю Азию, китайцы познакомились в Фергане с культурой винограда и виноделием, с люцерной, с целым рядом плодовых деревьев, с высококачественной породой ферганских коней — близких родичей современных туркменских пород. Эти заимствования продолжаются и дальше. Ниже мы особо укажем на заимствования в области военного дела и искусства. Сейчас отметим заимствование китайцами у среднеазиатских мастеров техники изготовления стекла.

Рассматриваемый период является, таким образом, периодом, когда в рамках среднеазиатских эллинистических государств, Парфии, Кангхи, а затем Кушанской империи бурными темпами синтезируются местные согдийско-хорезмийские, скифо-гуннские, греческие, индийские и отчасти китайские элементы, придавая в итоге глубоко индивидуальный облик культуре среднеазиатского эллинизма.

Это — время расцвета среднеазиатских античных городов. О них говорят античные и китайские источники. Рим-

ский историк Помпей Трог, рассказывая о событиях середины III в. до н. э., упоминает о „тысяче бактрийских городов“. Китайский путешественник Чжан-цзянь говорит о семидесяти городах Ферганы. Благодаря работам археологической экспедиции Академии Наук СССР в Хорезме, мы можем теперь довольно полно охарактеризовать эти древние города Узбекистана.

Наиболее ярким памятником является позднекушанское городище Топрак-Кала (в ККАССР). Это правильный прямоугольник, обнесенный мощной кирпичной стеной с многочисленными прямоугольными башнями и с частыми узкими бойницами. Длина города 450 м, ширина 270 м. С юга на север вдоль города тянется узкая улица, по обе стороны которой расположены 10—12 огромных домов, состоящих каждый из многих десятков комнат. Над каждым домом поднималась мощная башня. Эти дома были местами обитания больших патриархальных семей городской аристократии, включавших в свой состав слуг и рабов, трудившихся на полях и в мастерских. В северо-западном углу города поднимался огромный трехбашенный замок городского князя, занимавший около четверти площади города. У подножия замка были расположены городской храм огня и в северо-восточном углу—небольшая базарная площадь, сообщавшаяся с внешним миром небольшими отдельными воротами.

Эта эпоха—эпоха расцвета городского ремесла. Особенно показательны гончарные изделия—разнообразная, прекрасно выделанная и обожженная посуда, окрашенная в красный цвет, по своим качествам намного превосходящая все, что знало среднеазиатское керамическое производство и раньше и позже, вплоть до XIX в.

Многочисленные находки монет свидетельствуют об огромном расцвете торговли. Согдийские и хорезмийские купцы транспортируют свои, индийские и китайские товары на запад—в Восточную Европу, в Иран, в страны Римской империи. Тяжелые парусные суда тянутся по Аму-Дарье, пересекают Каспийское море. Нагруженные верблюды и повозки с высокими колесами, запряженные быками, везут товары на запад и восток. Массagetские, скифские, гуннские кочевники толпятся на рынках узбекистанских городов, сбывая мясо, кожу, шерсть, изделия стелных кустарей.

Согдийцы основывают многочисленные колонии в Семиречье, в Восточном Туркестане, даже в далеком Китае.

Эти колонии сохраняют свое самоуправление и находятся в тесных связях с родными согдийскими городами.

Одним из крупнейших достижений материальной культуры народов древней Средней Азии, в частности Узбекистана, в этот период является полный переворот в военном искусстве, который происходит в I в. до н. э.—I—II в. н. э. До этого времени здесь, как и на всем востоке, господствовала архаическая тактика, базировавшаяся на сочетании действий конных стрелков из лука, боевых колесниц—своеобразных танков древности, с которых стреляли из лука и метали копья и палицы, и легковооруженной пехоты, сражавшейся метательными копьями и мечами-кинжалами. Бой в этих условиях представлял собой подготовленную обстрелом из луков и ударом боевых колесниц совокупность индивидуальных рукопашных схваток на короткой дистанции.

В V—IV вв. до н. э. эта тактика столкнулась с тактикой греческой фаланги голлитов—тяжело вооруженных, защищенных броней и большими щитами пехотинцев, действовавших сомкнутым строем. Опыт войны с греками, с которыми скифы, хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы и другие народы Средней Азии познакомились еще во время греко-персидских войн, а затем с греко-македонцами Александра и его преемников, многому научил воинственных обитателей Средней Азии. Из синтеза греческой тактики фаланги и скифо-бактрийской тактики стрелкового конного боя, подготовлявшего индивидуальные рукопашные схватки пехоты, родилась тактика парфяно-сарматская, в которой ведущую роль играла действующая сомкнутым строем тяжеловооруженная конница.

Здесь основным бойцом является покрытый тяжелой чешуйчатой или пластинчатой броней всадник на так же бронированном коне, короткое метательное копье сменяется длинной ударной пикой, короткий меч-кинжал, приспособленный лишь для пеших индивидуальных схваток—длинным прямым мечом, удобным для конной рубки. Лук остается у каждого бойца в качестве основного оружия дальнего боя. Дождь стрел подготавливает удар тяжелой конницы, расстраивая ряды врага.

Эта тактика, впервые примененная парфянами против римских легионов Красса под Каррами, дала блестящие результаты. Непобедимые римляне были разбиты и уничтожены, сам Красс пал. Экспансии римлян на восток был навсегда положен предел выходцами из степей Туркмении,

вооруженными искусными оружейниками Мерва. В I—III вв. н. э. описываемая тактика широко распространяется среди сарматских племен северного Причерноморья, немало содействуя их обороне против римлян. Китайцы впервые знакомятся с этой тактикой на рубеже II—I вв. до н. э., во время своих неудачных походов на Фергану. Это вызывает полную революцию в китайском военном деле. Древний военный строй Китая, его пехота и колесницы сменяются тяжеловооруженной конницей, снаряженной, как блестяще показал Б. Лауфер, по среднеазиатскому образцу.

Есть все основания предполагать, что родиной новой тактики было единственное оставшееся в IV—II вв. до н. э. независимым царство Средней Азии—Кангха-Хорезм. К этому времени относится найденный нами в Хорезме глиняный рельеф, изображающий всадника с длинной пикой наперевес. К тому же времени относятся многочисленные статуэтки коней с высокими седлами, специально приспособленными для закованного в железо всадника. Лишь позднее эта тактика проникает в Иран, в Китай и в Восточную Европу. Пути ее распространения показывают, что первоначальным ее очагом могла быть только Средняя Азия.

Проходят века и тактика тяжеловооруженной конницы катафрактариев—как называли их византийцы—становится господствующей повсюду, составляя основу средневекового рыцарского боя. До Японии на северо-востоке и до Центральной Африки, бассейна озера Чад—на юго-западе распространяется эта выработанная в борьбе с греко-македонскими захватчиками древняя среднеазиатская тактика. И только массовое появление огнестрельного оружия в XV—XVI вв. наносит ей удар, вновь выдвигая на первый план на этот раз вооруженную огнестрельным оружием пехоту.

Особенно большой шаг вперед делает изобразительное искусство. Древне-среднеазиатский, скифский „героический реалистический стиль“ обогащается достижениями греческого и индийского искусства.

Пожалуй, самым ярким памятником скульптуры этого времени, в котором выступает синтез местной греческой и индийской художественной культуры, является открытый М. Е. Массоном в Айртаме близ Термеза архитектурный карниз с горельефным изображением музыкантов, некогда украшавший здание буддийского храма. В нем эллинистическая декорация из листьев аканфа, разделяющих бюсты

музыкантов, и свойственная греческой скульптуре техника сочетаются с характерной для северно-индийского, так называемого гандхарского, искусства трактовкой самих изображений музыкантов и чисто местным реализмом в трактовке деталей одежды, украшений, музыкальных инструментов. Лица музыкантов выполнены строго индивидуально и являются, возможно, портретами конкретных музыкантов, прекрасно передавая тип людей той эпохи.

История искусства древнего Узбекистана отражена в этих рельефах и с другой стороны: инструменты в руках музыкантов являются древнейшим памятником истории узбекской музыки. Эти инструменты — частично греческого, частично индийского, частично, наконец, местного происхождения. И в них, таким образом, отразился тот же синтез разнородных культурных элементов, который столь характерен для изобразительного искусства среднеазиатского эллинизма.

Блестящим памятником Кангхско-хорезмийского искусства, датируемым I в. до н. э. или I в. н. э. и свидетельствующим о живости традиций скифского „героического реализма“, является серебряная чаша из б. „Строгановского собрания“ (ныне в Эрмитаже). На внешней стороне чаши мы видим рельефное изображение охоты на тигров и львов. Три всадника сражаются с тремя животными. Всадники одеты в плотно облегающие тело куртки, перетянутые в поясе, шаровары, высокие верховые сапоги. Волосы перехвачены лентой, сзади развеваются ее свисающие концы. Один всадник поражает копьем тигра, двое стреляют из луков во львов. Длинный меч на бедре одного всадника, характерные чулкообразные налучья у остальных двух, свидетельствуют о том, что описанный выше переворот в военной технике уже произошел. Одежда, головной убор, трактовка лица, характерная деформация черепа — все делает этих всадников очень близкими к изображению царя на древнейших кангхско-хорезмийских монетах, так называемых „монетах Герая“, не оставляя сомнения в кангхско-хорезмийском происхождении чаши.

Композиция сцены — плоть от плоти среднеазиатско-скифских композиций. Тот же прием разбивки ритмического ряда, который мы описали для умбона амударьинского клада, применен и здесь — один из всадников скачет навстречу другому, тела двух львов перекрещиваются друг с другом. Композиция приобретает, пожалуй, еще более динамический и бурный характер, чем в сцене охоты на умбоне.

Среднеазиатское искусство эллинистической поры распространяет свое влияние далеко на восток. В гуннских могильниках Ноин-Улы (Монголия), относящихся к I в. н. э., мы находим немало вещей согдийского или бактрийского производства. Искусство самих племен Монголии и Южной Сибири развивается в эти столетия под мощным среднеазиатским влиянием. Традиции среднеазиатско-скифского героического реализма вновь расцветают здесь на новой исторической почве.

События первых веков нашей эры, связанные с внедрением гуннов, сяньбийцев и других „северных варваров“ в переживающую глубокий социальный кризис Китайскую империю, переносят это искусство в „Срединное царство“. Поздне-ханьское и последующее искусство Китая носит мощный отпечаток влияния среднеазиатско-скифских художественных традиций.

Мы мало знаем о литературе того времени. Не подлежит сомнению, что древний героический эпос продолжал бытовать и в эту эпоху, ибо его сюжеты мы находим в среднеазиатской литературе и в более позднее время. Но, несомненно, именно к эллинистическому периоду относится зарождение письменной литературы. Памятники ее до наших дней не дошли, однако о высоком уровне ее свидетельствуют документы, найденные в 1908 г. в Дунхуане (древний Друан), в Восточном Туркестане, где во II в. н. э. существовала согдийская колония, образованная выходцами из Самарканда. Среди этих документов имеется интереснейшая переписка между девушкой-согдийкой и ее матерью, вернувшейся на родину в Самарканд. Девушка жалуется на тяжелую обстановку, в которой она находится после отъезда матери, на плохое обращение некоего Занидата, которому, видимо, поручена опека над ней: „Как появится Занидат, то это как будто пришел именитый враг, тогда я живу, терпя зло, без одежды, без пищи, а взывай я о помощи, никто не даст даже куска войлока“. Девушка добивается разрешения на поездку к матери, но далее обстоятельства меняются. Другие письма, написанные много лет спустя, свидетельствуют о том, что отношения между девушкой и Занидатом вступают в новую фазу. Из „именитого врага“ он становится ее горячо любимым мужем, от которого давно нет писем, к которому она стремится из далекого Друана, где, вдали от мужа, она живет с маленькой дочерью.

Этот „человеческий документ“ II в. н. э. разносторон-

не характеризует семейный быт эпохи и является ярким доказательством высоты культурного уровня горожан древнего Узбекистана. В частности, женщины этой эпохи пользовались, видимо, большой самостоятельностью и в отношении образования не уступали мужчинам: и мать, и дочь—грамотны, а стиль их писем свидетельствует о значительной литературной культуре.

Впрочем, и другие источники неоднократно подчеркивают высокое положение женщины в эллинистическом Узбекистане. Так, китайские хроники этого времени не раз отмечают, что мужчины здесь уважают женщин и подчиняются их руководству. Это же подтверждается для кушанского царства свидетельством армянских источников. Старые традиции матриархальной среды, породившей образы Томирис, Спаретры и Зарины, продолжают полнокровно жить и в эпоху узбекистанского эллинизма.

IV. КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА НАКАНУНЕ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Мы переходим к третьему этапу истории древней культуры Узбекистана. IV—V вв. н. э.—время упадка и распада кушанского царства, время начала разложения общинно-рабовладельческого строя древней Средней Азии. Сасанидское царство Ирана пытается использовать тяжелое положение Средней Азии, оккупируя значительную часть Бактрии и Согдианы и простирая свое влияние на Хорезм и Сыр-Дарью. Но это торжество персов было недолговременным. Из юго-восточного Приаралья приходят новые потомки массагетов, сменяющие ослабевших кушанов. Эти эфталиты или „белые гунны“, как их называла в отличие от выходцев из далекой Монголии, широко распространившись через Казахстанские степи на запад и смешавшись с местными скифо-сарматскими кочевниками, образовали в IV—V вв. мощную гуннскую империю Аттилы в Восточной и Центральной Европе. Государство эфталитов, центр которого, как полагает историк Лерх, первоначально лежал в правобережном Хорезме, а затем, видимо, был перенесен на нижний Зеравшан, в Пейкенд близ Бухары (так определяет Маркварт местоположение города Бадиянь—столицы эфталитов по китайским данным), почти восстанавливает старую империю кушанов. Вновь среднеазиатские цари правят Северной Индией и частью Восточного Туркестана, вновь пределы

царства достигают старых границ. Видимо, эфталитская реставрация задержала начавшийся феодальный распад, вдохнула новые силы в умирающее рабовладельческое общество. Но в середине VI в. царство эфталитов падает под ударами одновременно с Запада и с Востока. Объединенные в военный союз тюрки Южного Алтая и Семиречья, создавшие к этому времени могучую кочевую империю, и сасанидский Иран, где правит в это время Хосров Ануширван, уничтожают государство эфталитов. Средняя Азия становится частью тюркской империи. События 80 годов VI в. в Бухаре показывают, что тюрки держались иной политики, чем эфталиты, поддерживая растущие феодальные элементы против общин и центральной власти среднеазиатских царств. Идет быстрый процесс феодального распада Средней Азии. Князья отдельных областей и городов чеканят свою монету, номинально подчиняясь то каганам тюрков, то—в периоды, когда каганат терпит поражение от китайцев,—императорам Китая. Начинает меняться весь уклад социально-экономической жизни и культуры.

Но старые политические традиции еще живы. Вся территория Узбекистана (кроме Ферганы и за-гиссарского юга) и юго-западный Казахстан носят древнее название Кан (Кангха). И когда князьям областей и городов оказывается нужным решить общие вопросы—как не раз бывало в эпоху арабского завоевания VII—VIII вв.—они съезжаются в один из городов Хорезма—древнего центра Кангхского царства.

Территория Узбекистана распадается в это время на ряд мелких государств: Хорезм, Фергана, Шаш (долина Чирчика), Илак (долина Ангрена), Осрушана (район между Джизаком и Ходжендом), Согд (в узком смысле—район Верхнего Зеравшана с центром в Самарканде), Маймург (на юго-запад от Самарканда), Кушания (район Катта-Кургана), Бухара, Вардана (к западу от Бухары, район селения Варданзи), Кеш (Шахрисябз), Нашхеб (Карши), Чаганиан (район Сурхан-Дарьи), Термез и др. Ядром каждого царства является город, управляемый царем, ограниченным советом глав аристократических семей, своеобразным сенатом. Цари носят разные титулы—шахов (Хорезм, Термез), худатов (Бухара, Вардана, Чаганиан), ихшидов (Согд), афшинов (Фергана, Осрушана), дехканов (Ходжент) и др.

Господствующий класс этих городских царств соста-

валяли так называемые „декканы“ — слово, означавшее тогда не „крестьянин“, а „крупный землевладелец“ — и богатые купцы, владевшие большими ремесленными мастерскими, обслуживавшимися трудом рабов, и ведшие широкие торговые операции на западе — в Иране, на юге — в Индии, на востоке — в центральноазиатских степях, и в Китае. Недаром один китайский автор VII в. (Вэй-цзе), характеризуя жителей среднеазиатских городов, писал: „Жители все — искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей“.

Грань между декканами и купцами была довольно условной. Они всегда выступают вместе, противостоя народным массам — городской и сельской бедноте и рабам. Видимо, декканы тоже занимались торговлей, а купцы имели земли и замки. Разница, вероятно, была лишь в происхождении.

Декканы носили, как знак отличия, золотые пояса, к которым подвешивали длинные прямые мечи.

Декканская молодежь, „златопоясные“, составляла привилегированное войско городских царств, выступавшее в бою верхом на конях. Основную же военную силу составляли дружины декканов — их вооруженные рабы — „чакиры“, о смелости и военной выучке которых китайские историки дают самые лестные отзывы. Кроме того, городские цари обычно располагали союзными контингентами войск тюркских кочевников.

Характерно, что впоследствии, после арабского завоевания, именно этот тип военной организации ложится в основу системы вооруженных сил Аббасидского халифата (сочетание привилегированных аристократических частей, гвардии, рабов и тюркских наемников). Опять, как и около начала нашей эры, среднеазиатское военное дело оказывает мощное влияние на ход военной истории сопредельных стран.

Изменение социально-экономического и бытового уклада находит яркое выражение в резком изменении типа городов, селений и жилищ. Количество городов резко сокращается, многие из них приходят в упадок и пустеют. Центр тяжести общественной жизни переносится из города в деревню, которая тоже меняет свой облик. Нет уже больших, обнесенных мощными стенами, общинных деревень с огромными родовыми домами-мварталами. Место

их занимают величественные и мрачные замки дехканов и укрепленные усадьбы, по существу, маленькие замки больших патриархальных крестьянских семей. Сложенные из глины высокие стены замков с зубцами и угловыми круглыми башнями господствуют над окружающими полями, а над стенами замков поднимаются мощные жилые башни („кушк“, французское „донжон“), в верхних этажах которых располагаются тесные и темные комнаты укрепленных жилищ владельцев. В эти жилища можно попасть лишь через подъемный мост, переброшенный с расположенной против двери кушка специальной башенки с винтовой лестницей внутри.

Перед нами — суровый и воинственный тип архитектуры, созданный распадом старых общинно-городских связей, упадком центральной власти, постоянными нашествиями кочевников, междоусобными войнами и народными восстаниями.

Но и в это мрачное и тяжелое время, когда в муках рождается из недр гибнущего общинно-рабовладельческого строя новое, феодальное общество, творческая энергия народов Средней Азии преодолевает все преграды. По-прежнему тщательно возделаны поля и сады, шумно бежит в арыках вода. Арабские завоеватели, как некогда македонские, были поражены картиной цветущей сельско-хозяйственной культуры Согды. Мрачные замки возвышаются над яркой зеленью плодовых садов и полей, тянущихся до далекого горизонта. Городские цари стремятся огранить границы подчиненных им оазисов от кочевников, возводя „длинные стены“ на границе со степью; и ныне сохранились (в Бухаре, в окрестностях Ташкента) под именем „камыр-дувалов“ эти маленькие подобия „великой китайской стены“.

Как и прежде шумны городские базары. Арбы и лодки купцов по-прежнему тянутся в далекие страны, возвращаясь нагруженными их произведениями. В храмах, дворцах и домах знати собраны бесчисленные сокровища — прекрасные ювелирные изделия из золота, серебра и драгоценных камней. Изделия среднеазиатских ювелиров проникают далеко на север, в холодную тайгу Приуралья, где мы находим их вкладах, оставленных далекими предками народов коми, ханты, маньси.

Этот период оставил нам немало прекрасных памятников изобразительного искусства. Китайские хроники рассказывают о великозлапной фресковой живописи дворцов среднеазиатских правителей. Свидетельства о расцвете фре-

сковой живописи Средней Азии в эту эпоху нашли себе подтверждение в 1938 г., когда В. А. Шишкиным при исследовании развалин замка бухар-худатов в Варахше были открыты относящиеся к V—VI вв. прекрасные фрески, изображающие борьбу сидящих на слонах всадников с фантастическими животными—белыми и красными грифонами (полульвы-полуптицы). Резная штукатурка стен одного из помещений в Варахшском замке говорит о расцвете пышного декоративного стиля. Здесь рельефные изображения деревьев, рыб, птиц, людей и фантастических животных включены в сложную растительно орнаментальную композицию.

В 1937—1938 гг. было определено хорезмийское происхождение целого ряда произведений бытовой металлической пластики—чаш и блюд, датируемых VI—VII вв. н. э. Особенно блестящим образцом является серебряное блюдо с изображением замка, окруженного отрядом конницы (видимо, один из эпизодов хорезмийского эпоса о Сиявуше). С большим реализмом переданы архитектура замка, в точности совпадающая с архитектурой развалин этой эпохи, а также детали одежды и вооружения всадников. Как эти чаши и блюда, так и хорезмийские монеты свидетельствуют о сохранении традиций античного портретного искусства: лица царей на монетах выполнены с большой тонкостью, строго индивидуальны, несомненно, реалистически-портретны.

Открытие на горе Муг, в верховьях Зеравшана, замка согдийского князя Диваштича, героя борьбы за независимость против арабских завоевателей VIII в., помимо блестящего архива деловых согдийских документов, дало науке еще один прекрасный памятник согдийского изобразительного искусства—щит с красочным изображением всадника в полном вооружении.

Эффектна и архитектура этой эпохи. Величественное впечатление производит вертикальное разрешение пространства в архитектуре замков. Фасады жилых башен Хорезма украшаются могучими полуколоннами, соединенными вверху круглыми перспективными арками. В замке Ак-тепе в Ташкенте, датируемом V в., характерна окружающая здание аркада, перекликающаяся с изображениями на согдийских оссуариях (глиняных гробиках для хранения костей умерших) этой эпохи, имитирующих архитектурные формы.

Литература этого периода представлена многочисленными, пока еще недостаточно изученными, согдийскими

текстами, найденными рядом экспедиций в Восточном Туркестане. В основном—это согдийские стихотворные переводы памятников индо-буддийской художественно-религиозной литературы, но среди них налицо и фрагмент сказания об эпическом герое древней Средней Азии Рустаме—яркое свидетельство живости народно-эпических традиций в художественной литературе Согда этого периода.

Характеризуя стиль эпохи в целом, мы можем сказать, что в нем живы еще традиции „героического“ скифского и античного реализма. Однако конструктивизм античной архитектуры все более и более сменяется декоративным стилем. Сложные растительно-орнаментальные композиции внутренней отделки стен приходят на смену строгому и простому античному орнаменту с его суровым ритмом. На плоскости стен, в античное время прорезанной лишь грозными бойницами и конструктивно оправданными прямоугольными пилястрами, появляются декоративные полуколонны. В реалистических композициях фресок и металлических изделий бурная динамика древнего искусства сменяется большой связанностью, статичностью, условной традиционностью поз.

Перед нами искусство, во многом параллельное искусству Византии и романскому искусству Запада.

Наряду с искусством продолжает развиваться и наука. Арабы в VII—VIII вв. застали в Средней Азии высокий уровень развития научных знаний, особенно в области точных наук.

Создание великих ирригационных систем Средней Азии, помимо своего непосредственного значения для развития народного хозяйства, оказало большое влияние на историю духовной культуры среднеазиатских народов. Территория Средней Азии, Узбекистана в частности, становится одним из крупнейших центров развития точных наук древности и Средневековья. Как мы знаем, геометрия и геодезия, алгебра и астрономия родились и развились в странах древних ирригационных культур. Роль Египта, Месопотамии и особенно Северной Индии в развитии этих наук хорошо известна. Не меньшей, а может быть и большей—если говорить о значении для дальнейшего развития математических знаний—была роль древних среднеазиатских ирригаторов и ученых в истории этих наук. Хорезм, Сырдарьинские области, Фергана и другие части Узбекистана дали средневековой математической науке ряд блестящих имен, ряд ученых, работы которых яви-

лись краеугольным камнем для развития средневековой и новейшей европейской математики.

Блачайшей заслугой среднеазиатских математиков и астрономов было то, что они, помимо достижений своего собственного практического опыта и теоретических исследований, сумели воспринять, критически разработать и обобщить достижения древних ближневосточных, античных и индийских ученых и передать результаты своих обобщений в сокровищницу мировой математической науки. Особенно значительная роль в истории средневековой восточной и европейской математики принадлежит хорезмийскому ученому начала IX в., математику, астроному и географу Мухаммеду Ибн Муса ал-Хорезми. Благодаря его работам, индийская математика, видимо, издавна известная хорезмийским ученым, проложила себе путь и на запад. Позиционная система нумерации, лежащая в основе современной нумерации, и вся система алгебры впервые стали известны арабам, а за ними и европейцам, из трудов этого блестящего хорезмийского исследователя, которые на рубеже XII и XIII вв. были переведены на латинский язык.

Имя ал-Хорезми до сих пор живет в современной математической терминологии в форме „алгоритм“ (искаженное средневековое „алгоризм“ от „ал-Хорезми“) — так называется всякий арифметический или алгебраический процесс, выполняемый по строго определенным правилам. Задача считается решенной, когда установлен ее алгоритм, т. е. метод решения.

Самое название „алгебра“ (арабское „ал-джабр“) представляет собою не что иное, как первое слово заглавия основного алгебраического труда ал-Хорезми. Разработкой уравнений первой и второй степени мы целиком обязаны ал-Хорезми.

Другой хорезмиец, ученый начала XI в., ал-Бируни, математик, астроном, географ и историк — одна из наиболее ярких фигур средневековой науки. Ему принадлежит, между прочим, сведение задач о трисекции угла и удвоении куба к решению уравнений третьей степени, что явилось результатом сопоставления индийской алгебры и греческой геометрии. Его трактат о астронсчислениях и календарях представляет исключительный интерес. Обширная историко-этнографическая монография об Индии сделала бы честь любому ученому наших дней. Еще неопубликованный, к сожалению, обширный труд по топографии Средней Азии

содержит, между прочим, блестящие страницы, посвященные исследованию изменений течения Аму-Дарьи в далеком геологическом прошлом, по научному уровню почти ничем не уступающие теориям, высказывавшимся по этому вопросу европейскими учеными XIX и XX столетий.

Наконец, недошедшая до нас и известная лишь по цитатам в других трудах Бируни и некоторых иных авторов история родины ученого—Хорезма дополняет образ этого подлинного энциклопедиста XI в.

Помимо названных уроженцев Узбекистана, из авторов рубежа X и XI вв. упомянем уроженцев нынешней Туркмении ал-Кархи и ал-Насаби, уроженцев Северного Таджикистана, ал-Ходжанди, уроженца Хорасана, Абул Вафа, великого астронома и математика, вместе с ал-Баттани заложившего основы тригонометрии.

Приводимые в трактате ал-Бируни данные о согдийском и хорезмийском календарях, в частности, связанная с календарем терминология, говорят нам о большой древности и солидности астрономических познаний древнего населения Узбекистана. Об этом же свидетельствует и найденный в 1933 г. в Таджикистане, на горе Муг, в верховьях Зеравшана, в замке согдийского героя борьбы против арабских завоевателей, Диваштича, документ начала VIII в. нашей эры, содержащий сведения о согдийском календаре и написанный на древне-согдийском языке согдийским алфавитом.

Вообще центром развития так называемой арабской математической и астрономической науки является Средняя Азия—территория Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Южного Казахстана и сопредельных районов Ирана и Афганистана. „Арабской“ эта математика является лишь по языку, на котором написаны сочинения этих авторов, уроженцев Средней Азии: труды их основаны на том веками сложившемся синтезе местного технического опыта (ирригация и др.), античной и индийской математики, который лег в основу всего дальнейшего развития математической науки Запада.

V. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Итак, мы можем подвести некоторые итоги. Народы древнего Узбекистана создали яркую и своеобразную цивилизацию. Их достижения в области ирригации и сельского хозяйства, строительного дела, ремесленной промышленности, военного дела, точных наук, литературы, искусства могут

соперничать с достижениями наиболее культурных народов древности. Восприняв и творчески переработав лучшее, что можно было взять от цивилизации соседних стран — Индии, Китая, Месопотамии, Ирана, Скифии, древние народы Узбекистана в свою очередь оказали мощное влияние на культурное развитие окружающих народов. Китай получил из Средней Азии культуру винограда, люцерны и ряда других растений, выведенную древними ферганцами породу боевых коней, искусство выделки стекла и, наконец, буддийскую религию. Среднеазиатское изобразительное искусство через тюркских кочевников мощно влияло на развитие средневекового китайского искусства. Тюрки, монголы, манчжуры получили от согдийцев свою письменность, поныне живущую в монгольском и манчжурском алфавитах. Все народы Европы и Азии заимствовали из Узбекистана средневековую тактику тяжелой вооруженной конницы. Через посредство Средней Азии Запад узнал китайский секрет изготовления бумаги и шелка. Древний и ранне-средневековый Иран заимствовал отсюда свою религию — зороастризм. Основы арабской, а затем и средневековой европейской математической и астрономической науки были разработаны учеными древнего Узбекистана и других областей Средней Азии. В Средней Азии сложилась древняя эпическая литература, сюжеты которой до сих пор живут в принесенных некогда скифами в восточную Европу русских былинах и сказках. Древняя архитектура Узбекистана оказала могучее влияние на развитие средневековой мусульманской архитектуры.

Наш перечень далеко неполон. Но и того немногого, что мы отметили, достаточно, чтобы понять, насколько живо гнусное заявление фашистского солдафона об „отсутствии“, якобы, на Востоке культурных ценностей.

Нет такой области материальной и духовной культуры, где народы Узбекистана, как и любой другой страны нашего великого Советского Союза, не создали бы беспримерных ценностей, не сделали богатых вкладов в сокровищницу мировой культуры, которую потомки древних народов Узбекистана защищают сейчас рука об руку со своими братьями и со всеми прогрессивными силами человечества от кровожадных фашистских дикарей.

